Сергей Носов

Полтора кролика

Сергей Анатольевич Носов

Полтора кролика. Несколько историй о странностях жизни

ABBYY FineReader 15
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8272313
Полтора кролика. Несколько историй о странностях жизни. / Носов С.: Издательство К. Тублина «Лимбус Пресс»; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-904744-02-1, 978-5-8370-0630-2

Аннотация

Трогательные герои в дурацких обстоятельствах – такова формула реализма Сергея Носова. Его рассказы могут вызвать улыбку и светлую грусть – попеременно или разом, – но как бы там ни было, читать их – одно из наивысших доступных современному русскому читателю наслаждений.

Содержание

Морозилка 6
Полтора кролика 28
Баллада о возвращении 41
Вариант финала 56
Хорошая вещь 58
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Сергей Носов
Полтора кролика. Несколько историй о странностях жизни

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

Некоммерческое партнерство «Агентство по развитию (ООО “Издательство К. Тублина”

© С. Носов, 2012
© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2012

© А. Веселов, оформление, 2012

Морозилка

К двум часам ночи подали наконец долгожданный торт. Съев два куска – за себя и за мужа, – Маргарита Макаровна затосковала по телевизору, по милым ее сердцу юмористам. Она нашла в себе силы покинуть столовую и даже подняться на второй этаж, где пахло елкой, но до телевизора так и не дошла – обреченно опустилась в семи шагах от него в мягкое кресло, зная, что уже поленится встать и включить, перевела дух, расслабилась и задремала.

Скоро холл наполнился негромкими голосами. С десяток обитателей санатория пришли сюда, чтобы пощекотать друг другу нервишки, – захотелось им «страшных историй», такая вот новогодняя блажь. Маргарита Макаровна слышала, но не слушала. Дабы не будить Маргариту Макаровну, говорили вполголоса, но ведь, если с другой стороны посмотреть на проект, страшные истории всегда так рассказывают.

Общество по большей части дамским было, – тихими загадочными голосами повествовалось о кровожадных сектантах, серийных убийцах, замаскированных людоедах. Сквозь дремоту Маргарита Макаровна угадывала присутствие Кости Соловьева с третьего этажа, журналиста из спортивного еженедельника. Также выдавал себя отдельными репликами ее собственный муж, врач маммолог Ростислав Борисович. Других мужчин, кажется, не было.

Нет, Маргарита Макаровна не прислушивалась к чернушной чепухе, ей приятнее было вспоминать абрикосовый торт, – вот и сон, в который она надежно проваливалась, был сладкий, радостный, абрикосовый.

(Только, пожалуйста, не спрашивайте меня, откуда я знаю, что снилось Маргарите Макаровне; я же автор!..

Ну так вот.)

Тем временем Костя Соловьев, насколько это позволяла свеча, поставленная на телевизор и служившая единственным источником света, подливал дамам в бокалы шампанское. Электрический свет, разумеется, выключили.

– Милые женщины, – обратился к собранию Ростислав Борисович, неумышленно проигнорировав присутствие Соловьева, – то, о чем вы тут рассказываете, чертовски занимательно. Однако вы говорите о произошедшем с кем-то, не с вами. Пока спит моя благоверная, расскажу я вам одну удивительную историю, которая случилась лично со мной. Гарантирую, у вас похолодеют и спины, и ноги.

Дамы заметно оживились. Ростислав Борисович, вероятно, решил, что упоминание спящей жены чревато неправильным толкованием. Он поспешил объясниться:

– Нет, нет, Марго прекрасно знает эту историю. И вообще, я ей за многое благодарен… Вы не представляете, как она меня тогда поддержала. У меня был жуткий нервный срыв после того случая. Но она меня выходила, поставила на ноги. Не побоюсь этого слова, спасла.

Он поправил ей черный парик из натуральных европейских волос, немного съехавший на сторону.

– Пусть поспит, – нежно проговорил Ростислав Борисович. – Когда-то она работала медсестрой у меня в кабинете.

– Пусть, пусть, – соглашались присутствующие. – Рассказывайте, Ростислав Борисович, это так интересно.

Ростислав Борисович начал рассказ:

– Приключилось это со мной в городе Первомайске…

Тут же Соловьев перебил:

– А в каком именно Первомайске? Не в том ли, который сегодня Староскудельск?

– Вот, знает человек, – удовлетворенно произнес Ростислав Борисович. – Староскудельск – это историческое имя города. Только, пожалуйста, не говорите, что вы там бывали.

– Бывал? Да я там пахал в районной газете! Пятнадцать лет назад.

– Ничего себе! – воскликнул Ростислав Борисович, едва не разбудив жену. – Вы слышали?! Я ведь тоже… пятнадцать лет назад… попал в ситуацию!..

– Мы встречались? – прищурился Соловьев, напрягая память.

– Исключено. Я пробыл в Первомайске несколько часов. Тридцать первого декабря, между прочим! И ни с кем, кроме двух человек, я там не общался. А скажите, пожалуйста: раз вы работали в газете, наверняка должны были знать, не пропадали ли в Первомайске люди бесследно?

– Тогда по всей России люди пропадали, такие разборки шли, – отвечал Соловьев уклончиво.

– Нет, а в Первомайске, в Первомайске? – допытывался Ростислав Борисович. – Не было ли там серийного убийцы, или, лучше сказать, серийных убийц?..

Озадаченный вопросом Соловьев забормотал:

– Вообще-то, я только четыре месяца там проработал. Я к Новому году перебрался в Москву…

– Тогда да, – заключил Ростислав Борисович, – вы знать не могли…

Дамы, заинтригованные донельзя, чуть ли не хором потребовали немедленно приступить к рассказу.

– Итак, это приключилось со мной в Первомайске, – повторил Ростислав Борисович, после чего неторопливо допил из бокала шампанское и внимательно посмотрел на жену: Маргарита Макаровна безмятежно спала, равномерно заполняя собой внутренний объем кресла.

И он продолжил рассказ.

И завершил его примерно через двадцать минут.

И все эти двадцать минут Ростислав Борисович безраздельно владел вниманием аудитории.

Слушательницы, как потом они признавались, были немало удивлены, а некоторые смущены даже (во всяком случае, все как одна были глубоко тронуты) до странности доверительной, почти исповедальной интонацией Ростислава Борисовича, – все-таки от исполнителя «страшилок» никто не

смел ожидать неподдельной взволнованности. Позже, когда эту поразительную историю будут пересказывать на всех этажах санатория, а на расчищенных от снега аллеях парка будут во время коллективных и попарных прогулок толковать о странной судьбе Ростислава Борисовича, все, кто слышал эту быль из его собственных уст, не пропустят ни единого случая, чтобы не вспомнить и не отметить повествовательную манеру Ростислава Борисовича, ее особенности: пылкость, доверительность, исповедальность. Правда, найдутся и скептики (в основном из числа узнавших содержание истории по блеклым некачественным пересказам); то, что вы приняли, скажут они, за пылкость, доверительность, исповедальность – наверняка лишь прием, обыкновенный отработанный трюк, рассчитанный на сиюминутный успех в женском обществе. Но кто же спорит с тем, что Ростислав Борисович, приступая к рассказу, хорошо понимал, перед кем и зачем выступает; если он и воображал себя создателем небольшого спектакля, то почему бы и нет? – из него бы мог получиться незаурядный актер. Куда важнее, что, рассказывая, он, по общему впечатлению, сам хотел разобраться в чем-то, – вот что запомнится всем. В общем, история Ростислава Борисовича, станет местным фольклором и будет еще долго бытовать в среде отдыхающих не только этой смены, но и последующих смен – вплоть до апрельских, а может, и майских. Костя Соловьев, вспомнив свой опыт «пахоты» в районной газете, даже изложит эту историю письменно в виде будто

бы художественного произведения, но, к сожалению, потерпит творческую неудачу. Во-первых, он, будучи человеком, слишком хорошо знакомым с реалиями Первомайска, сильно преувеличит значение своего авторского я, а во-вторых, как следствие – ошибется тоном. Действительно, передать на бумаге устный монолог Ростислава Борисовича очень трудно. Без некоторой литературной обработки здесь не обойтись. Если бы кто-нибудь из людей сведущих решился пересказать своими словами трепетный монолог Ростислава Борисовича, слегка его обработав в правильном направлении (например, сократив навязчивые апелляции к «милым дамам» и погасив несколько вспышек излишних эмоций), могло бы получиться типа того.

Типа этого.

– Извините за сравнение, друзья мои, но кто я был?., я был, как мотылек, летящий в огонь. Как мотылек!..

Представьте, ее звали Фаина. Никогда больше не встречал Фаин.

Началось все несколько раньше… месяца за три до Нового года.

Я не буду рассказывать, при каких обстоятельствах мы познакомились, хотя почему же? – это было в Глинске на железнодорожном вокзале, мне надо было в Москву, ей, как потом оказалось, в Первомайск, то есть по-сегодняшнему в Староскудельск. Мы в разные кассы стояли, моя очередь уже подходила, а ей еще было стоять и стоять. Она книгу чита-

ла. Она меня не видела, хотя я теперь сомневаюсь, кто кого первым заметил, я даже не уверен сегодня, что была она так на самом деле красива, как мне тогда показалось. Может, это я был первым примечен, выбран из толпы, – может, стал я жертвой какого-нибудь психологического жульничества вроде тех номеров, на которые способны цыганки. Кстати, в ней что-то такое было цыганское, и, прежде всего, конечно, глаза – черные, как не знаю что… как две дырочки в бездну. Но глаза я чуть позже увидел – когда вблизи. В общем, я на нее уставился, что мне по жизни, должен признаться, не свойственно – глазеть на женщин в толпе, но я уставился как ненормальный, да еще и развернулся против движения очереди, которой принадлежал, – смотрю, и одному удивляюсь: почему на нее другие не глядят? А ведь никто не глядел. Один я. Говорит ли это о чем-нибудь?.. Вот, о том и речь.

Дальше дело так обстоит. Она в книгу смотрит, а я на нее; вдруг она прерывает чтение, словно чувствует, что за ней наблюдают, и метко, без всякой наводки выстреливает взглядом в меня. А что делаю я? А я ей знак подаю рукой, мол, можно стать здесь, передо мной, – пожалуйста, пропускаю. И вот она после секундных, как мне кажется, сомнений переходит в нашу очередь и становится передо мной, посылая мне глазами «спасибо», а я, окунаясь в ее глаза, говорю кому-то в пустоту «мы вместе» и, вынырнув наружу, замечаю, как она убирает книгу в сумочку, а там, знаете ли, какой-то

урод на обложке и надпись типа «Расчленитель придет в понедельник». Спрашиваю: «Интересно?» – «Ну что вы, отвечает, чушь невообразимая!» – «А зачем читаете?» И знаете, что она на это ответила? Она ответила: «Смешно».

Ей долго оформляли билет до ее Первомайска, тогда еще в Глинске компьютеров не было в железнодорожных кассах, не уверен, что сейчас они есть; кассирша все звонила куда-то, справлялась о свободных местах, а я стоял у нее за спиной… да нет же, не у кассирши, ну зачем же глупости спрашивать?., стоял у нее за спиной и с трудом сдерживал себя, чтобы не обнять ее, чтобы не коснуться шеи губами.

Видите, я с вами как на духу. А иначе у нас рассказ не получится.

Ну так вот. Мы с ней вышли на перрон, заходим в садик такой привокзальный, там пивные ларьки, бетонный тюльпан-фонтан в смысле бывший, клены растут, она мне говорит: «Зачем вы грустный, не надо грустить». Я держусь бодрячком: «Это кто вам сказал, что я грустный?» Она говорит: «Так ведь это же видно». А у меня действительно тогда полоса была неудач, я весь белый свет возненавидел, жить не хотелось. Пациенток своих ненавидел, молочные железы, да у меня и практики в те месяцы было с гулькин нос… «Не грустите, посмотрите, как хорошо». А было и впрямь хорошо: осень, листопад (если, конечно, абстрагироваться от заплеванного перрона). И тут я вдруг разоткровенничался как-то, стал о себе рассказывать. Что это на меня нашло? Потом

на отвлеченное меня потянуло: счастье, судьба, но что именно нес, не помню, – банальности наверняка. Однако слушала она меня очень внимательно, я потому и говорил, что видел, как она меня слушает.

Не знаю, какие особые чары на меня напускались, но и общедоступным одним приемчиком она не пренебрегла, голубушка. Он вам, милые дамы, хорошо знаком: нашего брата проще всего увлечь, если сообщить ему о его исключительности. Предельный случай, когда «ах, дорогой, ни с кем так хорошо не было, как с тобой», но и меньшие наши достоинства, когда им льстят, побуждают к ответной привязанности. Я весь так и растаял, когда она мою манеру мысль выражать нашла, так сказать, исключительной. То есть за мной признала талант какой-никакой, остроту ума как бы, парадоксальность. Дескать, никогда ни от кого не слышала ничего подобного. Что чуть ли не глаза ей раскрыл на человеческую природу. Чуть ли не спасибо за то, что есть я на свете.

А что я мог тогда сказать такого? Да ничего. Но чем-то как будто тронул ее, так получилось. Как бы.

Не помню, как мы с ней телефонами обменялись, да и было ли это? – как бы то ни было, но мой бумажник с ее адресом и телефоном в поезде на Москву слямзили у меня, а вот у нее мой телефон, значит, все же остался.

Да-с, все общение длилось у нас минут сорок, ну час. Поезд ее подошел, проводил я ее до вагона. Прощаясь, она меня поцеловала, как родного. Поманила бы, я бы так и поехал за

ней в Первомайск. Удивительно, что не поехал, – в Москве у меня особых дел тогда не было.

Вероятно, уготовлен я был на другое число.

Загипнотизировала она меня, так вам скажу. Ну не мог я влюбиться, не мог. Не мой стиль. Я ж знаю себя.

Между тем со мною такое происходило!..

В Москву приезжаю – словно подменили меня – сам не свой, другой человек. Женщины как женщины меня вообще интересовать перестали – все, кроме одной, этой из Первомайска. И при том на меня, извините, такой сексуальный жор напал, или жар?., что лучше и не говорить об этом, а то не избежать скабрезностей. Вы же сами знаете, врачи циники, и я не исключение, но тут просто наваждение какое-то!.. О, как я распалял свое воображение! Словно я был гимназист прыщавый, а не тридцатипятилетний кандидат медицинских наук! Ну и скажите на милость, не сатана ли она после этого?

Скоро, правда, оно прекратилось.

Но ненадолго.

В двадцатых числах декабря телефонный звонок. Ушам не верю: Фаина! Приглашает меня в Первомайск встретить Новый год с ее младшим братом. Просто так приглашает. Словно на соседнюю улицу.

И вот я спрошу вас: что сей жест означает? Явно он означает нечто большее, чем приглашение в гости. Прекрасно помню, как удивила меня – и надо сознаться, весьма приятно – моя же решительность, потому что я ни одной минуты не

сомневался, надо ли ехать. Да и вообще, получалось, что это я проявлял инициативу, а не она. Она ведь как сказала? «А почему бы, сказала, нам не встретить Новый год вместе с моим младшим братом?» Понимаете, был вопрос, всего лишь вопрос. И тут я торопливо: «О, говорю, какая замечательная идея!» – «Так приезжайте, мы будем очень вам рады».

Я и поехал. Тридцать первого декабря. Да что поехал – не поехал – рванул! И сказал бы кто-нибудь мне тогда, что я околдован, я бы плюнул в лицо дураку, настолько мой порыв казался мне естественным.

Нет, вру. Когда подъезжал к Первомайску, были сомнения, были. Уж больно все гладко у меня получалось. Возможно, я позже себе нафантазировал это, но, по-моему, нет, – была тревожная мысль-дразнилка, само дразнилка: дескать, ступишь сейчас на перрон, а вместо черноокой красавицы беззубая горбатая старуха будет стоять с длинным носом: «Что, голубчик, добрался?»

И знаете, если мне тогда действительно такая нелепая мысль могла прийти в голову, то с учетом пережитого, надо признать, она была неспроста мне навеяна… Но все по порядку!

Был я встречаем. Я ступил на перрон и увидел ее, и показалась она мне еще привлекательней, чем тогда в Глинске. На ней было длинное черное пальто с двумя рядами гигантских пуговиц, а головного убора не было, и то омерзительное, что падало с неба, вовсе не похожее на снег, самым чудесным

образом преображалось в очаровательно сияющие изумрудные росинки в ее роскошных черных густых волосах. А зима была совсем не зима, дрянь какая-то. Новый год и плюс четыре на улице!

«Познакомься, это мой брат Гоша». – То есть она перешла на ты со мной, без всяких там церемоний. И я подумал: отлично!

Из окна допотопной «Волги» первой модели, уже тогда годившейся в антиквариат, я глядел на вечерний Первомайск. Было около шести, уже стемнело. Гоша был за рулем. Ехать ему приходилось по жуткой слякоти, все таяло и текло. Он смешно разговаривал с машиной, обращаясь к ней по имени, ласково так – Бронька, Бронечка, Броняша. «От слова *броневик»,* – сказала Фаина.

Мне было с ними легко.

Они завезли меня на край города. Жили они в двухэтажном деревянном доме, доставшемся им от родителей. Комнат в нем было бесчисленное количество – во всяком случае, не менее шести. Фаина повела меня на экскурсию. Вот комната покойных родителей, туда не надо входить, вот Гошина комната, вот Гошина фотомастерская, с огромным фотоувеличителем, напоминавшим старинный рентгеновский аппарат… Надо заметить, я так и не успел посмотреть Гошины фотоработы (могу представить, какие там были кадры!).

Нет, Гоша мне тогда в целом понравился, но теперь я могу со всей определенностью утверждать, что на маньяка он был

больше похож, чем она. Во-первых, как-то слишком заметно выражал он свое ко мне расположение. Во-вторых, вид у него был довольно многозначительный, словно он что-то знал, но скрывал. В-третьих, он сильно косоглазил, что, впрочем, не помешало ему справиться с управлением автомобиля, но все же мешало мне с ним общаться, – я не мог понять, на какой мне глаз глядеть, когда я с ним разговаривал; по идее, на тот, который на тебя смотрит, но ведь оба мимо смотрели.

Справедливости ради надо заметить, я с Гошей не много общался; он все норовил оставить меня наедине с Фаиной. По тогдашнему моему ощущению, все у меня с Фаиной изумительным ходом само собой получалось, без напряга с обеих сторон. Словно мы до того не один только час провели, а полжизни совместно. Определенно, без гипноза тут не обошлось. Я хоть и врач маммолог, но в психологии кое-что понимаю. Есть у меня даже теория по сему случаю, но не буду сейчас излагать. Я не чувствовал себя в их доме стесненным. И она не была стеснена моим появлением. Как будто муж к жене приехал после долгой разлуки. Причем, долгожданный. Был я своим в этом доме, пусть и видел все в доме впервые.

Гоша гремел на кухне кастрюлями, когда она повела меня в комнату для меня. Все прибрано для меня, все чисто. Несколько смутило, помню, ярко красное покрывало: мог ли что означать красный цвет? – но, признаюсь, в тот момент занимала меня более ширина кровати, ибо по величине этого параметра можно было косвенно судить о намерениях самой

хозяйки. А кровать была отнюдь не односпальной… Мне показалось, что Фаина читает мои мысли, тут я быстренько – глядь на нее! – и усмотрел-таки, усмотрел: словно тень мотылька на губах… Чуть-чуть не проговорилась. И вот она взяла меня за руку и вывела в коридор. И шепнула мне на ухо: «Знаешь, я очень рада, что ты приехал». Она пошла по коридору, а я за ней, и тут я поспешил сделать то, что не посмел тогда, у железнодорожной кассы: я обнял Фаину, остановив. Вот так, за живот. Она нежно, не оборачиваясь, освободилась от моего объятья, сказав: «Надо на стол», то есть надо было сказать: «Надо собирать на стол», – и отправилась дальше, увлекая меня за собой своим неопознанным полем чудовищного притяжения.

Мы на стол накрывали втроем, я, по правде, больше дурака валял, потому что достать из холодильника салат оливье и селедку под шубой труда не составляло. Они наготовили много еды. Год, если помните, был для нашей страны не самый сытный. Но новогодний стол – это святое. Это у всех. Я тоже привез кое-что, – помню, икры баночку, водку, шампанское. Под елку незаметно поставил две коробки – подарки им. Но Гоша увидел: «Смотри-ка, уже Дед Мороз побывал, что-то принес». На что она отвечает вопросами: «А как наш сюрприз от Деда Мороза? Может, сейчас? Или потом?» – «А давай сейчас», – говорит Гоша.

И вот они велят мне никуда не выходить из комнаты и удаляются за сюрпризом. Мне, не скрою, приятно. Я жду.

Радуюсь их отношениям.

Хорошие отношения. Очень дружно живут. Понимают друг друга с полуслова. Как-то, правда, общаются странно – не глядя почти друг на друга, во всяком случае, при мне, – но это если уж совсем придираться… Тогда я этому не придал значения, а теперь думаю: не потому ли так, что хотели они скрыть от меня всю полноту своего взаимопонимания, а то ведь, мало ли, разгляжу заговор?

Но тогда у меня и мысли такой быть не могло. Я счастлив был, как никто на свете. И казалось мне, что происходит со мной что-то чрезвычайно важное и нужное, что я сам становлюсь другим человеком, что я уже никогда, никогда не смогу жить по-прежнему. Тихая радость переполняла мое существо. И весь мир в эти минуты представлялся мне чистым, красивым, – словно стряхнули с него пыль мягкой кисточкой.

Хотя легкое ощущение странности, надо признать, не покидало меня. Еще бы. Уж слишком все получалось легко, ровно, без моих даже слабых усилий.

Слышу: поверху ходят, что-то двигают, сюрприз достают.

Тут я вспоминаю, что не убрал водку в морозилку.

Беру бутылку, подхожу к холодильнику, открываю дверцу холодильника… (я за вечер в холодильник уже несколько раз заглядывал, а морозилку так ни разу и не открывал)… В общем, я открыл морозилку.

Н-да.

А ведь почти юбилей – ровно пятнадцать лет исполнилось, как я открыл морозилку. Если быть совсем точным, пятнадцать лет и четыре часа, плюс-минус десять минут.

Много-много воды утекло, много было событий!.. Например, вот женился… Ну да… На Маргарите Макаровне…

Нервный срыв… Когда б не она…

Хорошо. Извините… Я примерно представляю ход ваших мыслей насчет морозилки, и где-то он верен, но только отчасти. Я готов поспорить на что угодно, ни за что не догадаетесь, что было в морозилке.

Так вот! Там стояли два ботинка! Два совершенно новых черных ботинка! Покрытых инеем!

Каково?

Я закрыл холодильник, так и не поставив туда водку, сел на стул и стал думать. Полный ступор! Ни одной мысли. Ни одного объяснения!

Теоретически допустимо предположить, что один ботинок могли поставить в морозилку по какой-то запредельной рассеянности… Но только один!.. А тут оба!

Может быть, шутка? Тогда в чем юмор?

У меня чуть голова не лопнула. Мне казалось, я схожу с ума. Я решил, что была галлюцинация. Себе не поверил.

И тогда я снова открыл морозилку… Ботинки! Я пригляделся и различил носки, едва торчащие из ботинок. Я взял один ботинок и почувствовал, что он вовсе не пустой, что он с содержимым!.. Я вынул из морозилки, я заглянул внутрь

ботинка и увидел ледяную гладь на уровне края… понимаете?., срез, заледенелый срез!.. Нечеловеческий ужас нахлынул на меня, я едва не потерял сознание!..

И вспомнилось мне в одно мгновение разное – и книжка ее про какого-то там расчленителя, и кроваво-красное покрывало, и двуручная пила, которую видел, между прочим, у входа… И разговорчики вспомнились типа: «Елка криво стоит». – «Потому что криво отпилена». – «А кто виноват?» – «Вместе ж пилили!» – «Ну ты пильщик известный». – «А ты?»

И многое еще вспомнилось что.

А их шаги приближались. Они уже стояли у двери – со своим окаянным сюрпризом! Я слышал, как они перешептывались, как что-то они обсуждали за дверью…

И словно пелена упала с глаз моих!

И словно мне голос был: «Спасайся, дурак!»

И рванул я к окну – закрыто окно! И со всего я размаха как навалюсь на раму, на двойную, и вместе с обеими рамами так и полетел туда, в сад!.. Как только не порезался, уму непостижимо!..

Перепрыгнул через забор и по всей этой первомайской новогодней слякоти бегом в сторону вокзала! Хорошо деньги были в кармане брюк, а куртка была, так она там так и осталась!

Мне повезло: без четверти двенадцать был проходящий. Продали мне билет в первый вагон, а там проводники Но-

вый год отмечают. Больше нет никого, один я пассажир! Во всем поезде – я единственный!.. Они мне водки налили, холодной. У меня руки тряслись. Я о пережитом рассказывал. Проводники удивлялись, говорили, что в рубашке родился. Такая история.

Такую историю – ну, может быть, чуть-чуть другими словами – поведал о себе Ростислав Борисович.

Потрясенные рассказом Ростислава Борисовича слушатели с минуту молчали. Огонек свечи магнетически притягивал взгляды. Ждали, не прибавит ли к сказанному что-нибудь еще Ростислав Борисович. Не прибавлял. Только тихо, едва заметно посапывала во сне Маргарита Макаровна.

Молчание прервала Елена Григорьевна из другого корпуса, налоговый инспектор первого ранга. Она осторожно предположила, что Ростислав Борисович публику лукаво мистифицировал, попросту говоря, разыграл – уж очень невероятен его рассказ.

Послышались протесты. Было заявлено, что рассказ Ростислава Борисовича содержит много деталей, которых невозможно придумать. Например, те же ботинки в морозилке… Если бы он обнаружил в морозилке не ботинки, а… ну что-нибудь более традиционное, вот тогда бы можно было сомневаться в достоверности повествования… Но ботинки! Зачем они? Для чего? Такое невозможно придумать.

От Ростислава Борисовича пытались выведать тайну ботинок, но он уклонялся от интерпретаций своего рассказа,

ибо не было у него на этот счет никаких здравых идей.

Тот же сюрприз… Что за сюрприз? Зачем?

– Здесь много очень иррационального, – сказал Ростислав Борисович. – Я часто думаю головой, но здесь лучше не думать.

Спросили: в милицию-то он заявлял или как?

– Нет. Не знаю почему, но что-то меня остановило.

Стали стыдить. Даже возмущаться.

И тогда встал доселе молчавший Соловьев. Он вышел на середину холла. Свеча горела за его спиной, лицо было в тени, но даже так становилось ясно по его почти невидимому лицу, что Соловьев сильно взволнован.

– Ростислав Борисович, вы совершенно правильно сделали, что никуда не заявили!

Звуковой образ коллективного недоумения. Шум.

– Я потрясен больше вас всех вместе взятых!.. – воскликнул спортивный журналист Соловьев, обращаясь ко всем вместе взятым, как он сказал. – Невероятное совпадение!.. Фантастическое соответствие!.. Знаете, кто во всем виноват?.. Я!.. Я один и только я!.. Режьте меня на куски!.. Что вы на меня так смотрите?.. Вот у вас от рук рыбный запах, к примеру!.. Как быть?.. Потрите лимоном!.. А когда лук режете, вы ничего не жуете?.. Вот потому и плачете!.. Надо жевать!.. Бутылку без штопора?.. А?.. Это все я!.. Все мое!.. Как открыть!.. Этим я занимался!..

Все ошеломленно глядели на Соловьева – кто с испугом,

кто с ужасом: это, действительно, очень страшно, когда человек на ваших глазах сходит с ума.

Но тут Соловьев снова обратился лично к Ростиславу Борисовичу:

– То, что вы приняли за носки, торчащие из ботинок, было полиэтиленовыми мешками, уверяю вас, это именно так!.. Объясняю!.. Слушайте все!.. Когда я работал в газете, я вел там рубрику «Советы для дома»!.. Во всех газетах были такие!.. Помните?.. Ну я ж объясняю вам… стулья… стулья царапают пол!.. Что делать? А наденьте на ножки пластмассовые пробки от винных бутылок!.. Или вот: вам туфли полировать надо… Отлично! Старые колготки и никаких проблем!.. Ну а если ботинки?.. Жмут если?.. Что делать, когда ботинки жмут?.. Ну так я, значит, и вспомнил, как еще в школе меня научил наш сосед по лестничной площадке разнашивать ботинки… я и напечатал в газете!.. Очень просто: надо засунуть в ботинок полиэтиленовый мешок, налить в него воду и поставить ботинок в морозилку вашего холодильника!.. Вода, замерзая, начнет расширяться…

– Этого не может быть! – громко произнес Ростислав Борисович и резко встал.

– Уверяю вас, закон физики!.. Лед расширяется, ботинок разнашивается!.. Был сорок первый размер, стал сорок второй!.. Да у нас столько откликов было на публикацию, вы что!.. Некоторые тоже не верили, говорили, не может быть, пусть лед расширяется, но зато кожа-то сужаться должна, так

ведь?!.. Да ничего подобного!.. Проверено на себе!.. А что вы хотите? Тогда в Первомайск только сорок первый размер завезли. Я помню. А если сорок второй надо? А сорок третий?.. Да у нас в Первомайске после моей публикации у каждого десятого ботинки в морозилке стояли!.. А вы говорите!..

Последние слова Соловьев произносил уже без Ростислава Борисовича.

Ростислав Борисович, не проронив больше ни звука, вышел из холла. Никто и не заметил этого, так были все увлечены соловьевским монологом.

Зажгли свет.

Тут и Маргарита Макаровна проснулась.

– Я как выпью шампанское, сразу же засыпаю. – На губах у нее созревала улыбка: – Сад приснился… Африка, что ль?.. Цитрусовый весь…

Елена Григорьевна, которая налоговый инспектор, проходя мимо Соловьева, проронила:

– Зря вы это. Лучше бы так он и жил со своей тайной.

– А где мой муж? Опять пропал? – Маргарита Макаровна захлопнула ладонью нежданный зевок. – А по ящику что?

Ростислава Борисовича тем временем уже искали по этажам. Нигде не было.

Маргарита Макаровна грузно отбортовалась от кресла и медленно перетекла к телевизору.

Вспыхнул экран. Подавали очередную порцию юмори-

стов.

Полтора кролика

Жуть, а не погода. Особенно ветер.

От автобусной остановки до библиотеки было метров двести, зонтик бы все равно поломало. Рудаков натянул капюшон, прижал подбородок к груди. Вместо обещанного дождя бил в лицо снег – острый, как пыль стекловаты. На витрине магазина летней одежды с трудом сдерживали злорадство два манекена – там был у них рай.

Его заметили прежде, чем он перешел улицу. Магда Васильевна, встречая, предупредительно держала открытую дверь – она вышла без пальто, только в шерстяном платке, накинутом на красное платье. Рудаков ускорил шаг, потом и вовсе побежал.

– Мы уже думали, не придете.

Входя, царапнул ее не по-доброму взглядом. Впрочем, быть неприветливым он не хотел.

– Неужели кто-то пришел? – прохрипел Рудаков.

– А как же!

И верно, в конференц-зале сидели какие-то личности, об их числе, находясь в вестибюле, Рудаков мог только догадываться. Он снимал куртку – так сказать, вешался. По всему судя, ему еще предстояло иметь дело с телевизионщиками.

Их наличие Рудакова искренне удивило. Камеру установили здесь же, при входе. Местный канал, обзор культурной

жизни по понедельникам.

– Это недолго, – сказала Магда Васильевна, не прочтя восторга на лице Рудакова.

– Я не смотрю телевизор, – сказал Рудаков тем двоим.

– Мы тоже, – ответил один, затевая возню с микрофоном.

Он же был за оператора, другой – вопрошатель (в кадре не предусмотренный, он стоял слева от камеры).

Первый сказал: «Снимаем». Второй спросил:

– Скажите, что вас побудило написать эту книгу?

– Что меня побудило? – повторил вопрос Рудаков, откашлявшись. – То и побудило, что написал. – Он еще произнес несколько фраз в том же духе.

Интервьюер помахал кистью руки у себя перед носом, призывая Рудакова смотреть на него, а не в потолок. Каждую фразу Рудакова он сопровождал одобрительным кивком – наверное, этому учат в их институтах.

– Объясните, пожалуйста, название вашей книги.

– То есть вы ее не читали, – сказал Рудаков, прищурясь.

– При чем здесь «полтора»?

– Не читали, – повторил Рудаков.

– Честно говоря, еще нет. Прочту обязательно.

– Для любого, кто читал мою книгу, название, полагаю, понятно. Но если угодно, я объясню.

Он объяснил.

– Как вы относитесь к современной литературе?

Рудаков глубоко вздохнул. Помолчал. Поморщился. Стал

нехотя объяснять, как он относится к современной литературе. Собственно, никак. То есть как-то так никак, собственно. То есть как-то. Как-то так.

– Большое спасибо.

Магда Васильевна, деликатно исчезнувшая на время съемки, вновь появилась в вестибюле. Провожая Рудакова в конференц-зал, поинтересовалась: «Не любите?» Рудаков посмотрел вопросительно. Магда Васильевна уточнила вопрос: «Ну, давать интервью…» Рудаков промолчал, отвечая мысленно. «Плохо спали, наверное», – донимала догадками. Вместе вошли.

Конференц-зал был небольшим – просто комната.

Больше десяти, – прикинул Рудаков.

Больше десяти ненавязчиво приветствовали Рудакова, а он их.

Сел вместе с Магдой Васильевной за стол.

Читательницы. И один читатель.

Магда Васильевна представила Рудакова. Сказала:

– Несмотря на непогоду, у нас практически аншлаг.

Одиннадцать, – сосчитал Рудаков.

Мест свободных действительно не было – вероятно, стулья вносили по мере прибавления публики. Придет двенадцатый – внесут стул.

Магда Васильевна рассказывала о Рудакове и его замечательной книге. Она подготовилась.

Рудаков решил, что работников библиотеки здесь поболее

половины. Но были явно и со стороны.

Телевизионщики тоже вошли, пристроились под портретом Белинского. Снимали то Магду Васильевну с Рыбаковым, то пришедших послушать и посмотреть. Потом – крупным планом – книгу Рудакова, поставленную на стол обложкой к зрителям.

Минут через десять они убрались восвояси, вместе с камерой, а Магда Васильевна, когда их не стало, все еще говорила. Она очень хорошо подготовилась.

Рудаков не смог бы пересказать ее доклад.

Встречи с писателями здесь проводят раз в две недели.

Рудаков издал свою первую книгу. Еще весной. Последним здесь был – еще в ноябре – юморист Убойнов.

Встреча с писателем, если посмотреть с другой стороны, это ведь то же самое, что и встреча с читателями; под писателем в данном случае надо подразумевать Рудакова.

Рудаков не мог понять по лицам читателей, не скучно ли им слушать Магду Васильевну.

Ей похлопали.

Двенадцатый не пришел.

Рудаков стал читать свои короткие произведения. Он их называл сказками. По мнению критика Рузовского, опубликовавшего в начале лета рецензию на книгу Рудакова, стиль Рудакова отличается особым ритмом и лапидарностью.

Его слушали оживленно, иногда смеялись.

Самый короткий текст из прочитанных Рудаковым назы-

вался «Во».

Во

– Ковыляю лесом, никого не трогаю. Вдруг:

«Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, я от зайца ушел, от волка ушел, а от тебя, медведь, и подавно уйду!»

И в кусты укатилось.

Во, думаю.

– Отчего деревянная? Так живую старик отрубил…

Я к нему: скрып, скрып. Вижу, лапа моя в горшке варится, шерстка разбросана – знать, щипала старуха. Спряталась на печи, думает, не замечу, а старик под корыто залез.

Съел я их.

Во, думаю.

– Это все?

– Все, – сказал Рудаков.

Ему похлопали.

– Особенность этого текста – его длина: семьдесят два слова, – сказал Рудаков. – У меня три рассказа по семьдесят два слова каждый. Тютелька в тютельку.

– Как интересно! – сказала Магда Васильевна.

Стали задавать вопросы.

Рудакова спросили, что побудило его стать писателем. И что означает название книги. При чем здесь кролики? И что

он думает о современной литературе.

Спросили, какая книга лежит у него на рабочем столе. И какие три он взял бы на необитаемый остров.

Он сумел не зевнуть. Он решил: не иначе, каждую работницу библиотеки обязали задать хотя бы один вопрос. Скоро, впрочем, он убедился: иначе. Вопросы задают здесь не по обязанности, а по безотчетным побуждениям неясного свойства. Потому, наверное, что не хотят выходить на улицу, решил Рудаков. Он и сам не хотел.

Полная дама в брючном костюме спросила Рудакова о тайне современного человека. Она сказала:

– Мне кажется, у современного человека нет тайны. Поэтому про него не интересно ни писать, ни читать. А как думаете вы?

Рудаков думал по-разному. Человек сам тайна. Но что есть тайна? – думал Рудаков. И что человек? – предлагал всем подумать.

Рудакова спросили: да, что есть человек?

И чем современный человек отличается от вообще человека?

И еще: сколько просуществует человечество, спросили Рудакова.

И есть ли Бог, Рудакова спросили.

Есть ли, спросили его, ничего – в частности там, где ничего нет, и, если ничего все-таки есть, называя его «ничего» и тем самым внося в него содержание, не превращаем ли мы

ничего в нечто?

– Вы пишете для взрослых, однако пренебрегаете матом. Почему в вашей книге совсем нет мата?

Этим обеспокоилась бальзаковского возраста леди в не по сезону темных очках.

– Должен быть? – спросил Рудаков.

– Нет, я не настаиваю на том, чтобы у вас на каждом шагу матюгались, но полное отсутствие мата бросается в глаза… или вы находите это естественным?

– Я не думал об этом, – пробормотал Рудаков, несколько сникнув.

Спор на тему мата ненадолго взбудоражил аудиторию; Рудаков угрюмо молчал.

– Видите, какие дискуссии вызывает ваша проза, – шепнула ему Магда Васильевна.

Речь зашла об абсурде. Отношение Рудакова к абсурду интересовало обладателя клетчатого пиджака, единственного, если не считать Рудакова, мужчину в этом помещении. Он называл имена великих абсурдистов, освященные мировой славой. Ощущает ли Рудаков свое место в определенном контексте?

– Нет, то есть да, то есть нет, – заговорил Рудаков с внезапной горячностью. – Я под абсурдом понимаю другое. Допускаю, что у меня умозрительные схемы, искусственные конструкции, игры ума, это не есть абсурд… Абсурд – это реальность, реальность, увиденная под определенным углом. Он

здесь. Он повсюду. Все зависит от ракурса – как взглянуть. Любое событие может оказаться абсурдным… Вот, скажем, сегодняшний вечер – вроде все пристойно, правильно… А ведь это как посмотреть… Можно представить себе, кто-то напишет рассказ о нашей встрече, и она будет выглядеть крайне абсурдно.

– Разумеется, – сказала Магда Васильевна. – Если все исказить. Что-то затушевать, что-то выпятить. Окарикатурить.

– Да нет же, я о другом… Я о фатальности… как бы это сказать… неявных несоответствий. Представьте себе, что кто-то из нас мог бы оказаться не здесь, а в другом месте – в бане, или на свадьбе, или, может быть, в морге… Это я фантазирую в порядке бреда… Чувствуете холодок абсурда?

Никто не чувствовал.

– Ладно. Давайте в порядке бреда сочиним что-нибудь подобное… прямо сейчас. Хотите о вас, Магда Васильевна?

– Обо мне?

– Ну, не о вас лично, конечно, а о неком человеке, похожем на вас. Боже упаси, что это вы. Это не вы. Это я для наглядности.

– Лучше о вас.

– Хорошо. Пусть буду я. Не я лично, а некий автор, похожий на меня, который пришел на встречу с вами… то есть с читателями, похожими на вас. Нам важна ситуация.

– Оживление в зале, – констатировала Магда Васильевна.

Рудаков продолжал:

– Представим автора книги сегодняшним утром. Он, или как вам удобнее, пусть буду я, в общем, этот персонаж провел бессонную ночь. Тяжелые мысли и все такое. Утро настает, мрачное, холодное… ну и… – Рудаков сделал жест рукой, всех приглашая к сотворчеству, – наш персонаж закономерно решает…

– Принять снотворное, – громко сказала пожилая женщина в первом ряду и засмеялась.

– Повеситься, – сказал Рудаков и засмеялся тоже.

Он окончательно ожил. Его глаза заблестели.

– Вот что такое творческая кухня писателя, – объявила Магда Васильевна. – Так рождаются сюжеты. И почему же он решил, интересно, повеситься? В чем же, объясните, закономерность?

– Решил и решил. Жизнь не сложилась… мало ли что… какая разница… Короче, взял он веревку, сделал петлю, намылил…

– Сейчас не мылят, – сказал в клетчатом пиджаке, – это пеньковую мылили, а из синтетического волокна и так скользит хорошо.

– Век живи, век учись, – пробормотал Рудаков, слегка сбитый с толку.

Все та же в первом ряду подсказала:

– Встал на табуретку.

– Привязал, – обратился к ней Рудаков, как бы благодаря за поддержку. – Просунул голову. Стоит. Делает глубокий

вдох. И тут…

– Звонит телефон…

– Телефон слишком банально. И тут взгляд его падает на будильник. Он видит часы, и он вспоминает вдруг, что в семь вечера у него выступление в библиотеке. И так тоскливо становится, нехорошо… Ему, конечно, и без того тоскливо, а теперь – просто гадко. За окном какая-то дрянь, ветер, ну вы понимаете… А ведь придут по такой погоде читатели, будут ждать его, звонить ему, перемывать ему косточки… Подождут-подождут и разойдутся в недоумении. Или еще лучше: к семи уже все известно станет, ну и представьте картинку – вы пришли на встречу с автором, сели, сидите, ждете, появляется Магда Васильевна и говорит: «Вечер отменяется, писатель повесился». Дикость! Как ни посмотри, все дикость. Вот он и решает, с петлей на шее: надо идти. Схожу вечером, а потом и повешусь. А то неправильно как-то, нехорошо. Надо завершать начатые дела.

– Занятно, – сказала Магда Васильевна.

– А дальше – все как здесь. Пришел, а тут телекамера, – спрашивают, как вы меня, этого автора: что вы хотели сказать вашей книгой?… почему так назвали?., при чем тут кролики?.. почему «полтора»?., ваши планы на будущее?., есть ли тайна у современного человека?.. Он, как я, отвечает, пыжится выразить мысль… Абсурдность ситуации видит лишь он. Ну и тот, кто воспринимает этот рассказ: по отношению к персонажам этот воспринимaтель – существо высшего по-

рядка. Неплохой мог бы получиться рассказ, пожалуй… если опуститься на землю…

– Напишете? – спросила дама с большой малахитовой брошью.

– Нет, пусть другой кто-нибудь.

– Одна неувязка, – сказала Магда Васильевна. – Этот персонаж должен был поступить проще. Если он такой обязательный, он бы вот что сделал. Он бы позвонил в библиотеку, она уже в десять открыта, и сказал бы, что заболел. Мы бы отменили вечер, и он бы мог тут же повеситься со спокойной совестью.

– Кстати, да, – сказала полная дама в брючном костюме. – Почему же он не позвонил?

Рудаков плечами пожал – не знал, что ответить.

– Потому что абсурд, – сказала старушка, у которой слегка фонил слуховой аппарат.

Магда Васильевна встала.

– На этой оптимистической ноте предлагаю и завершить наш вечер. Позвольте, в посрамление упомянутого абсурда, сказать большое спасибо нашему гостю и подарить ему, разумеется, со смыслом… отнюдь не абсурдный… небольшой бюст Белинского, человека, именем которого названа наша библиотека.

Рудаков под аплодисменты принял дар. Бюст Белинского был не выше стакана.

Потом Рудаков раздавал автографы.

Потом в узком кругу работников библиотеки он пил чай с печеньем. Коньяк, предназначенный для почетных гостей, тоже не преминул обнаружиться на столе. Беседа была задушевной.

За разговорами о геополитике, провожаемый библиотекаршами до метро, он и не заметил, что ветер стих. Стало скользко однако. Полная дама в брючном костюме долго не хотела отпускать его одного.

Турникет, со своей стороны, не хотел его впускать почему-то. Вмешалась дежурная.

Абсурд не всегда деструктивен, он иногда конструктивен, иногда он спасение для человека. От этой оригинальной мысли Рудакова отвлекло звонкое объявление: всех на эскалаторе учили не касаться оставленных вещей и не подходить близко к краю платформы.

Держась за поручни, он по своей вагонной привычке ревностно вычислял отношение читающих к слушающим – получалось оно не в пользу первых, а точнее, равнялось нулю – за досадным отсутствием сегодня в вагоне что-либо читающих; если, конечно, не причислять к ним разгадывателей кроссвордов.

Во дворе из люка валил пар. Пар – до сих пор. Он и утром валил.

Между вторым этажом и третьим Рудаков был вынужден перешагнуть через бомжа, притулившегося около батареи. Рудаков этого не любил, но всегда был готов, раз дело такое,

с этим мириться.

Вчера на многолюдной улице ему повстречался бородач, несший на плечах – именно так! – мешок с мусором. Он попросил у Рудакова сто рублей, чтобы «уехать отсюда». Рудаков не дал. Тогда тот сказал Рудакову: «Ты злой, брат».

Кто-то поднимался в лифте. Значит, работает. Рудаков думал, что нет. «Ну, ладно», – сказал себе Рудаков, поднявшись на пятый.

Сволочь какая-то залепила звонок жевательной резинкой. К счастью, звонок не нужен был Рудакову – он открыл дверь ключом.

Пахнуло мылом.

Рудаков прошел по прихожей, оставляя следы на линолеуме – мыльная лужа давно высохла.

Он держался спиной к дверному проему, ведущему в кухню, чтобы там не увидеть веревку. Завтра снимет, завтра все уберет.

Упал, не раздеваясь, на тахту и провалился, как в яму.

Завтра, все завтра.

Баллада о возвращении

Комната. Жена. Входит муж.

Муж. Какая великолепная погода! Воздух чистый, небо чистое, дождь прошел и теперь видны звезды… Ты помнишь такое, чтобы в городе были видны звезды? Не две-три, а тысячи, тысячи!..

Жена. И где же ты был?

Муж *(бодро).* Я был у Рудокопова.

Жена. Ах да, у Рудокопова… *(Накрывает на стол.)*

Муж. Зашел к Рудокопову, а у него сломался телефон, я не мог позвонить… Видишь ли, Рудокопов сейчас работает на Мердяхина, и мы с ним обсуждали разные варианты, очень полезная встреча…

Жена. Гриша, у меня к тебе разговор.

Муж. Серьезный?

Жена. Вполне.

Муж. Может быть, подождем до утра?

Жена. Нет, это разговор безотлагательный.

Муж. А мне кажется, любой безотлагательный разговор можно перенести на утро… Я понимаю, я задержался, ты волновалась, я не позвонил, но ведь утро вечера, сама знаешь, все-таки мудренее… Может, утром твой разговор покажется уже не таким серьезным… Давай не будем спешить…

Хорошо?

Жена. Мне необходимо задать тебе очень важный вопрос.

Муж. Хорошо, задавай.

Жена. Только ты не напрягайся.

Муж. Ну. Я и не напрягаюсь. С чего ты взяла? Мне нечего скрывать. Я честно отвечу.

Жена. Нет, я вижу, ты уже напрягся.

Муж. Тебе кажется. Спрашивай.

Жена. Вопрос такой. Не удивляйся… Что бы ты сказал, Гриша, если бы ты узнал… что у нас в шкафу… прячется голый мужчина?

Пауза.

Муж. Как это?

Жена. Ну не совсем голый – в трусах.

Муж. В трусах? Ну если в трусах… *(Весело, с облегчением.)* Точно – в трусах?

Жена. Да, допустим, в трусах. Что бы ты сказал?

Муж. От кого прячется?

Жена. В данном случае, от тебя.

Муж. От меня… Это тест?

Жена. Да, тест. Из журнала.

Муж. Гм… Что бы я сказал?.. Я бы сказал: «Ну ты даешь, Настенька!..»

Жена. Вот как. Сразу же Настенька. *(Зло.)* А без Настень-

ки никак нельзя, нет? Что Настенька, может быть, ни при чем, даже в голову не придет, да? Сразу же подозрения?..

Муж. Прости меня, но кто его в шкаф запрятал? Разве не ты?

Жена. Представь себе, он спрятался сам!

Муж. Очень трудно представить.

Жена. А то, что я – я! – прячу в шкафу голого мужчину, ты представить можешь!

Муж. Да ничего я не представляю! Это ты меня заставляешь! А я и не хочу ничего представлять!.. Зачем мне представлять голого мужчину? Да еще у себя в шкафу!

Жена. Проехали. Будешь пельмени? Предупреждаю: остыли.

Муж ест. Без аппетита.

Муж. А как я должен был сказать?

Жена. Никак.

Муж ковыряет вилкой в тарелке.

Муж. Читаешь какие-то идиотские журналы, а я виноват.

Жена. Ты ни в чем не виноват, ты просто такой же как все.

Муж. Зато ты ни на кого не похожа.

Жена. Да, это так.

Пауза.

Муж. Если бы я был как все, я бы дал ему в глаз. А тебе бы вломил сковородкой. *(Пауза. Ласково.)* Ну что, что я должен сказать? «Настенька, посмотри-ка, здесь кто-то есть, познакомь меня с молодым человеком»?

Жена. Он не молодой человек. Он мужчина зрелого возраста.

Муж. Я его знаю?

Жена. Нет, ты его не знаешь. Ты же не читал роман «Облом»?

Муж. Я читал роман «Обломов».

Жена. Врешь ты все, ты и «Обломова» не читал. Только щеки надуваешь: я читал, я видел, я знаю… Где ты был сегодня?

Муж. Я был у Рудокопова.

Жена. Слушай внимательно! И не перебивай. Представь: жена ждет мужа домой, муж где-то шляется, два часа ночи, звонок в дверь, наверное, муж пришел, впускает, а это не муж никакой, это другой, вваливается в трусах и просит убежища, за ним менты гонятся…

Муж. Ты мне что пересказываешь? Роман «Облом»?

Жена. Правдоподобно?

Муж. Не очень.

Жена. А по-моему, очень правдоподобно. Это жизнь, Гриша.

Муж. А почему он в трусах?

Жена. Он бежал из вытрезвителя. У него аффект. Понимаешь – аффект? Он трезвый, но ничего не соображает, мечется туда-сюда, туда-сюда по комнате. Как бы ты поступил на месте жены? Выгнал бы на лестницу? Сдал бы властям?

Муж. Мне себя трудно представить в такой ситуации. А зачем он бежал из вытрезвителя?

Жена. Ты не знаешь наших вытрезвителей? И ты еще спрашиваешь?

Муж. Опять?.. Послушай, мы же договорились, ты никогда не будешь мне напоминать о вытрезвителе!.. Это было давно и все неправда!.. Во всяком случае, мне и в голову не приходило бежать из вытрезвителя… Нарисовали номер на ноге, положили на койку… И все. Даже выспался.

Жена. То ты, а то он. Он романист. Романы пишет! «Помогите мне, я – автор романа “Облом!”» Это репрессия, Гриша! И ты бы его выгнал на улицу?

Муж. Облом… *(Задумался.)* Ну и что? Что дальше?

Жена. А дальше звонок. Я говорю: «Муж».

Муж. Ты?., говоришь?

Жена. Да, я! – представь меня на месте жены! Я говорю – про тебя: «Это муж». И при слове «муж» он в панике прячется!..

Муж. В шкаф!

Жена. Ну наконец-то… Дошло!

Муж. Подожди. Ты хочешь сказать, что сейчас в шкафу

кто-то сидит?

Жена. Ну, может, не сидит, может, стоит…

Муж. Подожди, ты хочешь сказать, что, если я открою сейчас шкаф, там кто-то есть?

Жена. Автор романа «Облом».

Муж. В трусах?

Жена. По всей видимости.

Муж. И можно открыть?

Жена. Можно, но осторожно. Не напугай человека.

Муж *(подходит к шкафу).* Так я открываю?

Жена. Если ты внутренне готов к этому, открывай. Только будь корректным. Не хами.

Муж. Вот так взять и открыть?

Жена. Гриша, я тебе все объяснила.

Муж. И он там?

Жена. Он там.

Муж. Тут подвох, тут какой-то подвох… Я не понимаю, в чем, но подвох… Итак, я открываю… А зачем?

Жена. Гриша, мы должны вместе разобраться с этой проблемой. Втроем.

Муж. Ребус какой-то.

Отходит от шкафа.

Жена. Почему же ты не открыл?

Муж. Я, наверное, идиот, извини, я не врубаюсь. И в чем

же юмор, позвольте спросить?

Жена. Гриша, там находится человек, бежавший из вытрезвителя. Он испугался тебя и спрятался. Я не смогла его остановить. Он нуждается в помощи!

Муж. Это смешно?

Жена *(с раздражением).* Это не смешно. А может, смешно. Кому как. Я не знаю. Ему не смешно, а мне смешно. Мне смешно, что ты мне не веришь.

Муж *(недоверчиво смеется).* Разыгрываешь… Как это так: «он нуждается в помощи»? А я не открою!.. Нет, нет, не открою… Ты ведь что-то хочешь этим сказать… Хочешь – так скажи!.. Хочешь сказать, что я был не у Рудокопова?

Жена. При чем тут Рудокопов? Не зли меня.

Муж. Но я был у Рудокопова. Можешь ему позвонить. Правда, он уже спит, наверное.

Жена. И у него не работает телефон!.. Григорий, ты не веришь мне, что в шкафу автор романа?

Муж. Почему? Верю.

Жена. Нет, ты мне не веришь!

Муж. Это ты мне не веришь!

Жена. Ты поел? Если ты поел, иди спать, пожалуйста. Ты на редкость тупой.

Муж. А он останется там?

Жена. Не волнуйся, я его выпущу.

Муж. В трусах?

Жена. Я дам ему твои брюки. Потом вернет.

Муж. А почему ты ему сразу не дала мои брюки?

Жена. Не успела.

Муж. Понимаю. Пойми и ты, дорогая, ты должна это знать: из вытрезвителя сбежать невозможно!

Жена. Смелость города берет!

Муж. Нет, дорогая, легче из тюрьмы сбежать, чем из вытрезвителя!

Жена. Я не хочу больше обсуждать с тобой эту тему.

Муж. Ну конечно, она не хочет со мной обсуждать!.. Ты меня все время укоряешь чем-то. Но я был бы признателен тебе, если бы ты выражалась прямо и без всяких метафор. Рудокопов…

Жена. Замолчи! Я слышать не хочу эту фамилию!

Звонок в дверь.

Муж. Ничего себе!., в такой час… *(Впускает милиционера.)*

Блюститель порядка. Старший лейтенант Здравомыслов. Приятного аппетита. Прошу меня извинить за вторжение. Надеюсь, никого не разбудил? Здравствуйте, мадам. *(Мужу.)* К представителям лучшей половины человечества я обращаюсь обычно «мадам», если обстановка приватна. Вы ведь не будете спорить со мной, наш язык небогат в отношении этикета.

Пауза.

Сразу хочу предупредить вас, что мое появление носит исключительно неофициальный характер, и вы имеете полное право прекратить наше общение в любой момент встречи. Я, как частное в данный момент лицо, тем не менее рассчитываю на ваше понимание и на поддержку.

Пауза.

Не подумайте, что я вас виню, скоропалительно осуждаю или таю в своем сердце некоторый запас обиды. Ни в коем случае! Напротив, по-человечески мне понятна ваша позиция, но прошу и вас войти в положение мною представляемого коллектива.

Пауза.

Муж. Какого еще коллектива?

Блюститель порядка. Работников медвытрезвителя № 2.

Пауза.

Жена. Нет, нет, это недоразумение!

Блюститель порядка. Только не спрашивайте у меня ордер на обыск, мадам! Нет ни ордера, ни понятых! Я пришел к

вам, как человек к человеку. И это не фраза!

Муж. Что ему надо?

Жена. Понятия не имею!

Блюститель порядка. К сожалению, имеете, мадам, должен вас огорчить, но вы определенно имеете достаточное понятие о предмете моего беспокойства, и я призываю вас к благоразумию! Вы знаете, о чем я говорю, и вы тоже.

Муж. О чем он говорит? О чем?

Жена. Вы ошиблись квартирой!

Блюститель порядка. А вот и не так! По всем нашим данным он скрывается здесь. Нет, нет, это в порядке вещей – вы оказали приют якобы преследуемому лицу! Но фокус в том, что угроза – мнима, как ни крути, во всех отношениях. И я здесь, чтобы вы поверили в мнимость!

Муж. Какому лицу?

Жена. Не слушай его!

Муж. Он сказал, ты оказала приют – какому лицу?

Блюститель порядка. Евгению Денисовичу Хунглингеру, сбежавшему из нашего медвытрезвителя.

Жена. Ерунда!.. Бред!.. Не знаю никакого Хунглингера!

Муж *(подозрительно)*. Это не тот ли, который написал роман «Облом»?

Блюститель порядка. Ага! Значит, знаете!

Жена. Гриша, молчи!.. Что ты суешься со своей эрудицией! Ты читал «Облом»? Не читал! Не читал, так помалкивай!..

Блюститель порядка. Если вы думаете, что Евгений Денисович подвергался насилию, это ошибка. Я не скрою, у нас есть горячие головы. Но в данном случае, он совершил ничем не спровоцированный побег, во многом вероломный, причем в тот момент, когда дверь в человекоприемник была открыта для впуска другого клиента. Поймите меня, это ЧП. Такого никогда не было! У нас остались его документы, его одежда, сумка с рукописью недописанного романа, его часы. Если я не возвращу Евгения Денисовича назад в наш вытрезвитель, завтра мне открутят голову. Нам всем устроят головомойку. *(Кричит.)* Евгений Денисович! Я знаю, вы здесь! Заявляю ответственно, вам ничего не угрожает! Выходите скорее!

Пауза.

Жена. Видите, никого нет.

Блюститель порядка. Я убежден, он тут. *(Кричит.)* Евгений Денисович! Евгений Денисович!

Пауза. Все вслушиваются в тишину.

Муж *(вдруг)*. Не хотите ли вы сказать, что ваш… как его… Евгений Денисович прячется у меня в шкафу?

Жена. Григорий! Не суйся!

Блюститель порядка. Ну зачем же в шкафу? Я думаю, он элементарно пребывает в другой комнате. В крайнем случае, стоит за занавеской, в самом крайнем – спрятался под кро-

ватью. Но почему именно в шкафу? Не надо доводить все до абсурда.

Муж *(жене).* Значит, в шкафу никого нет?

Жена. Ну что ты пристал со своим шкафом! Естественно, нет! Кто может быть в шкафу? *(Милиционеру.)* Мой муж ничего не знает, он только что пришел, его не было дома. Гриша, уходи, не мешайся под ногами.

Блюститель порядка. Вас не было дома? Вы недавно пришли? Так вы ничего не знаете?

Муж. Я был у Рудокопова. Впрочем, я не обязан перед вами отчитываться. И вообще, ваши документы, товарищ!

Блюститель порядка. Пожалуйста… *(Дает мужу, обращаясь к жене.)* Простите, мадам, я должен был предъявить сразу, как только вошел. *(Мужу.)* Значит, вы были у Рудокопова?

Жена. Гриша, верни удостоверение. Уходи, я сама разберусь.

Муж *(сосредоточенно рассматривая удостоверение).* Нет… здесь что-то не так. Уверяю тебя, что-то не так. Шкаф, шкаф…

Блюститель порядка *(забирая).* А что касается шкафа, прием крайне наивный. Отвлекаете внимание, уважаемый. А нельзя ли **ваш** документ?

Муж. Дудки! Я у себя дома!

Блюститель порядка. Отлично. Я не настаиваю. Вы – дома. Вам малы ваши брюки, вот в чем загвоздка. Посмотрите,

мадам.

Муж. Что он несет! Ты понимаешь хоть что-нибудь?

Блюститель порядка. Вам малы ваши брюки, из чего я заключаю, что ваши брюки не ваши.

Муж *(опешив).* А чьи?

Блюститель порядка. Мадам?

Жена. Это брюки моего мужа.

Блюститель порядка. Вот что хотел я услышать! Вы надели брюки мужа мадам!

Муж. Муж мадам – это я!

Блюститель порядка. Не смешите.

Пауза. Супруги, похоже, лишились дара речи – ошеломлены. Милиционер ходит по комнате.

Случай действительно нестандартный. Но я уже во всем разобрался. В оправдание своей медлительности, мадам, должен заметить вам, что вопреки распространенному мнению, многие работники органов правопорядка запоминают лица крайне неудовлетворительно. К сожалению, я отношусь к их числу. Нечто подобное наблюдается среди продавцов крупных универсамов. Бесконечная смена лиц, мелькающих перед глазами, угнетает некоторые участки коры головного мозга, и главным образом – ответственные за память. Скажу больше, для представителей силовых структур нашего профиля человеческое лицо – не самое главное. Мы редко смот-

рим на лица. Однако разденьтесь до трусов, и я не буду сомневаться ни единой секунды. Вы или не вы. Вы! Вы не были у Рудокопова!

Муж. Где же я был?

Блюститель порядка. Вы были в вытрезвителе. В нашем!

Муж. Убирайтесь вон сию же секунду!

Блюститель порядка *(поиск поддержки).* Мадам?

Жена. Нет, это, правда, недоразумение…

Блюститель порядка *(с укоризной качая головой).* Мадам… Разве я вас хоть в чем-нибудь упрекнул? Вы поступили гуманно.

Муж. Он сумасшедший!

Блюститель порядка. Вы, а не я, это вы, Евгений Денисович, повели себя, словно безумец! Неужели вам кто-нибудь угрожал? Неужели вы думали, что вам накостыляют?.. Мы живем еще до известной степени в правовом государстве!.. Ну, спокойно, спокойно, все позади… будем друзьями… Идемте, идем… нас ждут…

Муж. Не пойду!.. Никуда не пойду!..

Блюститель порядка. Но я вас очень прошу… Я прошу вас, как читатель, если хотите, писателя… Пожалуйста… Вы побудете, и мы вас отпустим. Вам надо побыть. А иначе – абсурд.

Муж. Настя, Настя…

Жена. Гриша, он по-своему прав… пожалуй, тебе лучше пойти, как ты считаешь?..

Муж. Куда?

Жена. Ну, туда… Неважно куда… Гриша, я тебя выручу, ты не бойся, иди. Ты веришь мне? Или не веришь?

Муж. Почему я должен куда-то идти?

Жена. Ну как же ты не поймешь почему? Или ты, или не ты… Ну не будь эгоистом. Иди же. Так надо.

Муж. Я твой муж, Настя! Я трезвый!

Жена. Тем более, тебе нечего опасаться.

Блюститель порядка. Мадам, обещаю, мы вернем вам одежду вашего мужа.

Жена. Положись на меня, мой ненаглядный, и совесть наша будет чиста… *(Целует мужа.)*

Блюститель порядка. Клянусь, мадам, ни один волос не упадет с головы Евгения Денисовича!

Муж. Я не Евгений Денисович! Я не писал роман «Облом»!

Блюститель порядка *(с иронией).* Да, конечно, вы были у Рудокопова.

Муж. Но ведь я не в шкафу! Настя, ведь я не в шкафу?!

Блюститель порядка. Идемте, идемте, там разберутся. *(Уводит.)*

Жена подбегает к шкафу. Трогает дверцу.

Жена. Евгений Денисович… Евгений Денисович!.. Вы спасены!

Вариант финала

(…)

Блюститель порядка. Между тем вам малы ваши брюки, вот в чем загвоздка. Посмотрите, мадам.

Муж. Что он несет! Ты понимаешь хоть что-нибудь?

Блюститель порядка. Вам малы ваши брюки, из чего я заключаю, что ваши брюки не ваши.

Муж *(опешив).* А чьи?

Блюститель порядка. Мадам?

Жена. Подожди, дорогой, но эти брюки действительно не твои!

Муж. Разве?

Жена. Это брюки Рудокопова!

Муж. Не может быть!.. Я не знаю, как это могло получиться…

Жена. Так ты был у Рудокопова?

Муж. Да… но…

Жена. Ты действительно был у Рудокопова???

Муж. Настенька… я… был у Рудокопова… но это совсем не то, о чем ты подумала…

Блюститель порядка. Он был в нашем вытрезвителе!

Жена. Не рассказывайте мне сказки! Я знаю, где он был!

Муж *(потерянно).* На самом деле… я был в вытрезвите-

ле…

Блюститель порядка. Что я говорил!.. Идемте, Евгений Денисович!

Жена. Какой он Евгений Денисович!

Муж. Настенька… он прав… я действительно был в вытрезвителе… Ну, что ты, Настенька, какой еще Рудокопов?., я пошутил… я не был у Рудокопова…

Жена. Был! Был! Был!

Блюститель порядка. Мадам, клянусь честью, мадам, Евгений Денисович был в нашем медвытрезвителе. Не волнуйтесь, мадам, мы вернем вам одежду вашего мужа. Идемте, идем…

Муж *(торопливо).* Да, конечно… идемте, идем…

Оба уходят. Жена бросается к шкафу.

Жена *(плача).* Евгений Денисович… Евгений Денисович… Вы спасены!

Хорошая вещь

– Это надолго, – сказал Петя. – Э, да у них еще и светофор не работает.

– Ладно, – Лев Лаврентьевич застегнул верхнюю пуговицу на пальто. – Я пешком быстрее дойду. Здесь недалеко.

– Как хотите.

Не очень хотел. Было слякотно снаружи, мокро, грязно. Тяжелые ошметки падали на лобовое стекло, уж точно не снежные хлопья. Лев Лаврентьевич вновь расстегнул пуговицу, в машине тепло было, не выходил. Сегодня ему заплатили за статью, напечатанную еще весной в «Трудах конференции», – он уже не мечтал получить гонорар. Ехал бы на метро в родной спальный район, да вот не смог пренебречь предложением соавтора, аспирант Петя на своем «форде» отправлялся к Торговому центру. Настроение у Льва Лаврентьевича, несмотря на денежное вознаграждение, было прескверное. По правде говоря, жена его не достойна подарка – два дня они в ссоре. Мириться он сегодня все равно не намерен, а, стало быть, покупать подарок сегодня как-то нечестно – во всяком случае, по отношению к самому себе. Тем более что есть время еще. Еще три дня до Нового года…

– Вам сколько, Петя? Двадцать пять?

– Двадцать четыре.

– Ну, до тридцати можете смело не жениться. Это как ми-

нимум до тридцати.

Девушка в серебристой шубке разносила по машинам журнальчики. Лев Лаврентьевич опустил стекло. Реклама известного рода услуг. «За знакомство!» – прочитал Лев Лаврентьевич название. Как тост звучит. Вот и на обложке большегрудая блондинка топлес, широко улыбаясь, поднимала бокал шампанского. Может, у них тоже рождественская распродажа?

– Здесь всегда раздают, – сказал Петя, положив подбородок на руль, – мне и вчера на этом перекрестке дали, и позавчера… Большой тираж.

Мать честная! Да сколько же их тут! Лев Лаврентьевич перелистывал, поражаясь количеству. Фотографии размером с этикетку спичечного коробка, иногда покрупнее – по десять штук на странице – у Льва Лаврентьевича в глазах зарябило. А вот и реклама.

– «Приглашаются девушки на высокооплачиваемую почасовую работу», – читал Лев Лаврентьевич вслух. – «Независимо от результатов собеседования каждая пришедшая получает в подарок тысячу рублей». Нет, что делают! Как заманивают!

– Вы лучше тексты под фотографиями почитайте. Больше о жизни узнаете.

– «Очаровательная блондинка приглашает в гости состоятельных мужчин…» – читал Лев Лаврентьевич наугад. – «Горячая девочка подарит часы наслаждения…», «Две лас-

ковые кошечки с неограниченными фантазиями ждут щедрого гостя…»

Открыл в другом месте:

– «Приеду с аксессуарами. Могу с подругой»… «Все кроме копро»… «Гарантирую отсутствие следов»…

– Это вы садо-мазо читаете… Страницы экзотики.

– Век живи, век учись, – пробормотал Лев Лаврентьевич. – Человечество с катушек съезжает. Давно съехало. Я таких и слов не знаю. Что такое «фастинадо»?

– Понятия не имею.

– «Пони-плей»?

– Судя по названию… кто-то лошадь изображает.

– Допустим, – согласился Лев Лаврентьевич. – «Бондаж». Я знаю, что такое бондаж.

– Слушайте, откуда вам знать? Вы с «бандажом» перепутали…

– Флагелляция – это что?

– Боюсь, что порка.

– Флагелланты… – вспомнил Лев Лаврентьевич. – В средние века были такие… Самобичующиеся… За грехи себя наказывали…

– Так те из религиозных соображений…

На одной фотографии была одетая. Причем принципиально одетая – целиком и цивильно, отнюдь не в черную кожу свирепой садистки. В свитер. Ворот свитера закрывал даже шею до подбородка.

– «Поркотерапия, – продекламировал Лев Лаврентьевич. – Избавление от депрессии, комплекса вины, душевного дискомфорта. Без интима». Нет, как это тебе нравится? Неужели кто-то пойдет «без интима»?

– Все может быть. Вы возьмите домой, с женой обсудите.

– Ха-ха, – сказал Лев Лаврентьевич, первый раз повеселев за неделю.

А что? Был бы терапевтический смысл в снятии стружки и в пилке-пилении, все бы мужья ходили здоровенькими, бодрыми, жизнерадостными и психически уравновешенными. А не подарить ли ей рубанок, большой такой рубанок со сменным модулем, или, скажем, дисковую пилу? Или аккумуляторный лобзик? Не поймет ведь. Обидится.

Самые нетерпеливые стали гудеть.

– Ну вот, – сказал Петя, – сумасшедший дом начинается.

– Петя, мы давно живем в сумасшедшем доме! Весь мир – сумасшедший дом, прости за банальность! А ты посмотри на лица прохожих, это же идиоты какие-то!.. По улице идти страшно, того и гляди тебя за плечо укусят!.. Нет, как тебе нравится? – зарубил топором нового мужа бывшей жены и съел!.. Съел!.. Съесть человека!.. А в поликлинику придешь – за больничным!., проще дома удавиться!.. Плюс еще это… потепление климата!.. Спасибо, что подвез. Вернее, завез. Бог даст, выберемся.

Он пожал Пете руку, дверцу открыл.

– Возьмите, возьмите, у меня таких штук пять…

– Оставь, Петя, будет шестая…

– Ну, так выкиньте в урну.

Взял журнал и вышел из машины. Холодная жижа полезла в ботинки. Море разливанное чтобы дойти до берега. Не пошел – побежал, лавируя между неподвижными иномарками. Старался не касаться грязных бортов светло-серым пальто. Чавкало под ногами, брызгало из-под ног.

Тротуар уже близко был, когда едва не наткнулся на инвалидную коляску: безногий в чем-то таком камуфляжном катал себя, невзирая на хлябь, и просил милостыню у водителей.

Перешагнув недооттаянные остатки сугроба (благо ноги есть), Лев Лаврентьевич оказался на тротуаре; здесь было относительно сухо. Прежде чем отдаться людскому потоку, он обернулся: зловещее зрелище. В мозгу всплыло чудовищное слово «секстиллион». То есть «очень много», он сам не знал сколько. Не мог найти глазами Петину машину, которую только что покинул. Стояли в обоих направлениях и на трамвайных путях. Зачем автомобиль ему? – думалось об аспиранте. Он же раб его, раб.

А вот и урна. Лев Лаврентьевич, проходя, кинул в нее «За знакомство!». Попал.

Новое поколение урн теперь украшено надписью: «Люби свой город!»

А захотел бы Лев Лаврентьевич, вняв призыву, тем же манером ответить, что да, город свой любит и не сорит, инте-

ресно, этим признанием какой бы следовало украсить объект? Опять-таки урну?

«Люблю свой город» – на урне?

Некоторые несли елки. Дома искусственная имеется. Пусть украшает, раз есть желание. Кто бы подсмотрел, кто бы подслушал, из-за чего ссориться начинают, не поверил бы, что такое возможно – вдрызг! – как в этот раз: из-за глупого выяснения причин, почему Лев Лаврентьевич не знает длины окружности своей шеи. Сама-то она прекрасно знает, какова длина окружности шеи Льва Лаврентьевича, но, спрашивает себя, видите ли, почему она обязана это знать, когда он это знать не обязан. Невнимание к себе самому, по жениной логике, предполагает еще большее невнимание к ней самой, а это уже с его стороны чистой воды эгоизм, – как же тут не припомнить все обиды, накопившиеся за пятнадцать лет их счастливого брака?.. Шея при чем? Наверное, рубашку с галстуком задумала подарить; пусть, хорошо, прекрасно – он на нем и повесится! Ход хотя и банальный, зато абсолютно беспроигрышный!

Сколько времени прошло – мало ли, много ли (минут, вероятно, пять) – Лев Лаврентьевич обнаружил себя в торговом зале. В неуютном царстве избыточности тщился каждый мелкий предмет, тщилась каждая бесполезность навязаться в собственность Льву Лаврентьевичу – на жену его с дальним прицелом. Он же, шедший мимо витрин, мимо полок и мимо прилавков, понимал, что лишний он здесь, на этом

празднике изобилия – по крайней мере, сегодня. Ничего сегодня не способно было прельстить Льва Лаврентьевича – ни штанга для полотенца, ни держатели для туалетной бумаги, ни модули для хранения полезных предметов. Ни чехлы для подушек, ни щетки для унитазов, ни софиты для абажуров, ни табуретки для ног. Ни регуляторы для гардин, ни топоры для мяса, ни ножи для лосося, ни прессы для чеснока, ни подставки для специй, ни разделители для ящиков, ни игрушки для кошек, ни коврики для ванной, ни коробки для книг, ни книги для коробок…

Ни открыткодержатели. Ни мешочки из полиэстера. Ни чашечки с блюдцами для кофе эспрессо…

Ни даже для прихожей картины. Печать методом объемных мазков. Полный эффект оригинала.

Все раздражало Льва Лаврентьевича, но более всего манекены. Стали с некоторых пор манекены его бесить. Всех типов. Безголовые, например, – когда мода на безголовых пошла. Но и с головами бесили – независимо от фактуры лица. Гладколицые, без глаз и ушей, без носа и рта, у которых голова, как яйцо страусиное; или с небывалыми харями инопланетных пришельцев; или, например, с нарочитыми искажениями пропорций человеческого лица – всех мастей микро- и макроцефалы; или, напротив, исполненные в крайне гиперреалистической манере, когда видны и морщины на лбу, и ямочка на подбородке, и когда перепутать легко эту нелюдь с продавцом-консультантом. Раньше были они не

такими, раньше были они без претензий. Вот за что Лев Лаврентьевич их невзлюбил – за претензию! Глядя на манекен, Лев Лаврентьевич не мог не думать о человеке. Можно ли, глядя на манекен, не потерять веру в род человеческий, ибо не по подобию ли человека сотворен манекен? Вспомнилось Льву Лаврентьевичу, как по ящику некто объяснял основным свойством всех манекенов, а именно их способностью всегда функциональными быть, их же, даже раздетых, асексуальность. То есть манекен в принципе ни на что не готов провоцировать человека (кроме, конечно, покупки). Но, во-первых, это как еще функциональность понимать – может, есть и такие, для кого манекена основная функция вовсе и не быть обязательно вешалкой, а, во-вторых, вот Льва Лаврентьевича пример: если, по мысли того телевизионного умника, не способен манекен вызвать сильных эмоций, то отчего же так хочется Льву Лаврентьевичу дать манекену по морде? Не любому, допустим, не каждому, а хотя бы конкретно вот этому – что стоит в бордовой футболке и клубном шелковом пиджаке и у которого даже ресницы имеются, а взгляд едва ль не осмысленный, или хуже: едва ль не идейный? Лев Лаврентьевич сжал кулаки, но сдержался, не дал манекену по морде. Отошел. Вышел на улицу, ничего не купив.

Автомобильная пробка медленно рассасывалась.

«Забудь свой геморрой!» – призывал светящийся постер. Клинический случай, – сказал себе Лев Лаврентьевич, машинально прочитав адрес клиники. Все-таки он старался

воздерживаться от чтения рекламных текстов. Не всегда получалось.

Возле «геморроя» стояла компания неопрятных молодых людей, один самозабвенно тренькал на гитаре и омерзительно блеял, думая, что поет, а его подруга, тоже думая, что он поет и что эта песнь достойна вознаграждения, приставала к прохожим с протянутой шляпой. Ко Льву Лаврентьевичу тоже метнулась, но сразу отступила, прочтя на его лице категоричное «не подаю». На самом деле, на лице Льва Лаврентьевича выражалось нечто более сложное: «Сначала играть научитесь и петь, а потом, сосунки, вылезайте на публику!» Мимо прошел, злой как черт. Почему, почему они так? Лев Лаврентьевич тоже четыре знает аккорда и может стренькать не хуже, чем тот, но почему же он ни при каких обстоятельствах никогда себе не позволит скромное свое умение кому-нибудь навязать – тем паче за мзду?! Если допустить невозможное и представить Льва Лаврентьевича за клянченьем денег (по роковой, допустим, нужде или, что допустимее, под угрозой четвертования), это будет (чего, конечно, никогда не будет) нищий, в рубище и без сапог, смиренный Лев Лаврентьевич, севший по-честному на грязный асфальт и положивший перед собой мятую кепку – но без гитары! Без песен! Без неумелых кунштюков!

И что такое «забудь свой геморрой»? Почему его надо забыть, если он уже есть? Как забыть – как сумку, как зонтик?.. А это идиотское уточнение «свой»!.. Свой забыть, а чужой

геморрой забывать не надо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.